

осм

Р33079

ИНОСТРАННАЯ
АНТИФАШИСТСКАЯ
ПОЭЗИЯ

сборник

Огиз - Гослитиздат

1943

**ИНОСТРАННАЯ
АНТИФАШИСТСКАЯ
ПОЭЗИЯ**

СБОРНИК

О Г И З

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1943**

Редакторы Е. Книпович, Б. Песня

Подписано к печати 24/XI 1948 г. А—2667. 2,55 уч.-авт. л.
Тираж 10 000 экз. 2 печ. л. Цена 2 р. Зак. № 164

2-я тип. изд-ва «Московский большевик», Москва, Петровка, 17.

В предлагаемом вниманию читателя сборнике антифашистской поэзии представлено творчество иностранных поэтов, как зарубежных, так и находящихся в настоящее время в СССР.

Центральное место в сборнике занимают стихотворения, посвященные героической борьбе народов СССР и бессмертному образу Сталинграда.

Другие стихотворения посвящены новым большим темам, которые внесла в творчество зарубежных прогрессивных поэтов борьба свободлюбивых народов против гитлеризма, — темам родины, героических подвигов народа во имя счастливого будущего человечества, ненависти к врагу, воли к его уничтожению.

Настоящий сборник кладет начало ознакомлению советского читателя с произведениями современной иностранной поэзии.

Шон О'Кэйси

*

ТОВАРИЩИ, ВСЕ В БОИ!

Чтоб женщины и детей спасти от пыток темных сил,
Чтоб враг железною пятою не давил, —
Дает для пушек, танков сталь в литейных знойный ныл.
Товарищи, к станкам!

Пусть наши молоты гремят, пусть их могучий звон
Фашистам возвещает день их близких похорон.
Стальным кольцом мы их сожжем, ударим с двух сторон.
Работайте быстрее!

В стране под красною звездой, под молотом с серпом
Работа, как в страду, кинит и ночью, словно днем,
Работают там дружно все в порыве боевом,
Работайте дружнее!

Не смотрят женщины теперь, к лицу ли им наряд,
В рабочих блузах у станков и у печей стоят,
И пули и снаряды их в бою врагов разят
Товарищи, к станкам!

Пред Красной Армией в боях дрожит фашистский сброд.
И сокрушительный удар она им нанесет,
Фашистов гибель и разгром, а нас победа ждет.
Товарищи, вперед!

Сражаться будем на земле, в земле и на воде,
И в воздухе, и под водой, повсюду и везде.
Свобода нас в боях ведет к сияющей звезде.
Товарищи, все в бой!

Сражаться будем до тех пор, пока свободы свет.
Как солнце, не рассеет тьмы безумств, насилий, бед
И счастье озарит весь мир, как памятник побед.
Товарищи, все в бой!

Джон Карли

*

ВОЙНА

Все рушится, и всюду перемены.
Листвой увядшей облетает зло,
Век неизвестный выступил на сцену,
И время игр ребяческих прошло.

И мир не тот, и все живут в тревоге,
И кровью заливает жизнь война,
Свой ореол утратили все боги,
Все музы потеряли имена

Еще в прошедшее уносит память,
Еще влечет нас к прежней мишуре,
А новый мир рождается, и в пламя
И в пурпур облаченный на заре.

Должны мы в чем-то изменить основы
Жестокости и злого бытия.
Должны быть все к грядущему готовы,
Нам время упустить нельзя.

Мы верим, что в войне из мглы багряной
Возникнет не мираж пустой,
А мир, где бедный сыт, где нет тиранов,
Где жизнь — как праздник золотой.

Алан Уайт

*

ФРАНЦИЯ

Париж теперь невзрачен, некрасив.
Потух веселый блеск бульваров.
Подбитые железом каблучки
Стучат по раскаленной мостовой
И нагло попирают
Елисейские Поля.
В кафе, за столиками развалиясь,
Сидят одни штурмовики,
И, переваривая пищу, смотрят,
Как свастикой скрестились тени
Под уличными фонарями.
Другие ж столики пусты,
Клиенты их в Офлаге и Сталаге¹.
На каждой ферме, вилле,
В каждом доме
В кулак сжимаются сухие пальцы.
И вымерз Франции цветущий сад.
Пустыней голой
Все виноградники лежат.
Повсюду голод... голод...
Мэр города, студент, рабочий
Расстреляны или ждут расстрела.
Грабитель, сутенер, убийца — целы.
Бесчинствуя у винных бочек,
Они с фашистами готовы
Итти в поход крестовый.
Но в страхе тайном
Завоеватели вдоль берегов
Все громоздят и строят укрепления,
Противотанковые рвы и дзоты.
Во Франции теперь не слышно горнов,
При обыске их враг не обнаружит,
Но боевой их зов звучит упорно
Во всех ветрах, по всем морям и странам,
И он зовет к оружию
Изгнанников, скитальцев, патриотов.

¹ Гитлеровские лагеря для военнопленных французов.

Джек Линдсей

*

Д Ъ Е П

Отрывок из поэмы

Шаланды приставали носом к дюнам,
Выкидывая на берег по сходящим
Солдат, спешивших в ливень пуль. Судами,
Как кашалотами, кипело море,
А небо — гулким роем самолетов.
Они, кружа, носились,
Как хлопья гари, вскинутые тягой
Огромного костра — пожаром взрывов.

Все гуще наши эскадрильи,
Они в бою парят, как знамя,
Врагу подрезывают крылья.
Господство в воздухе за нами!

Вот подан сигнал для первой волны танков.
Моторы запущены, и вот головные машины
Загрохотали, а в наушники телефонов
Сквозь гул канонады врываются донесенья
О ходе сраженья па и ниже. Суда пристают,
И первые наши танки прорвались в Дьеп..
Вот мы во Франции снова. Все наши удары
Рассчитаны точно. Мы знаем силу врагов
И знаем нашу силу. Мы снова во Франции.
Зарубка первая для ноги на скале.
Но нет мы поднимемся и пробьемся дальше,
Сквозь бурю бурунов в кристальную ясность
Свободы всеобщей. Мы снова во Франции.

Танки лавой идут в атаку.
Саперы пробили брешь в дамбе.
Падают бомбы, рвутся снаряды.
Гравий трещит в молотилках гусениц..

Танки прошли бульваром на улицу
В яростной гордости, с шумом триумфа.
Расплющив газетный киоск, на площади
Сбили снарядам портик у банка.
В брызгах стекла из зеркальных витрин
Модно разряженные манекены

Вылали и растянулись безжизненно,
Как люди убитые, и в дыму
Дома вздымали ленные фронтоны.
А танки с грохотом и сверкашьем,
Уничтожая все огневые точки,
Пробивали проход в засадах зданий...

Шотландцы прорвались вперед, сметая защиту,
Прорезав колючую проволоку, поползли
По грудам горящих развалин. Сержант ползком
Взобрался наверх, ударил ногой в вентилятор
И крикнул: «Сдавайтесь!» Никто из огня не ответил.
«Сдавайтесь! А нет, так ко всем чертям убирайтесь!»
Он бросил гранату, и брызнул бетон, рассыпаясь.

Мы заняли оба берега Арка,
И дым удушливый окутал гавань
И станцию (дорога на Париж),
А в сумеречном море без границ
Снаряды гаубиц вздымают смерчи.
По радио приходят донесенья
От танков, пашущих долины смерти:

...Разбита гусеница, вмята бронебашня,
Но я с фашистами еще не кончил счёты...
Ветонно-пулеметное гнездо налево...
Рубеж захвачен.. Порча передачи...
Прошу мне дать поддержку огневую...
Мой танк горит, убиты и водитель
И башенный стрелок, но я сражаюсь...
Сейчас берем мы штурмом казино...
(Игра в рулетку: ставки — жизнь и смерть...)
К табачной фабрике мы подошли...
Мы под стеной у казино внизу,
На третьем этаже там пулеметы,
И снайперы за окнами в прикрыты...
Завесой дымовой мортиры скрыты,
Но Брен мой метко бьет по ним в дыму...
На улице дозор мы захватили
И в дом ворвались с боем штыковым...

Младший сержант Хиксон, канадец сапер,
Принял команду над ротой (все офицеры
Пали в бою и старше нет командира).
Взрывом он подорвал стену у казино
С орудийной площадкой и с пулеметным гнездом
И сквозь пожар, загражденья, огонь перекрестный

Под градом пуль и осколков со всех сторон
В город ворвался. Парень лихой из Торонто,
Он захватил с собой передатчик с плашкота.

К реке мы вышли. Мост был под обстрелом.
Земля кипела, как вода под градом,
Но мы должны пройти. Широкий мост,
Как огненное лезвие, сверкал
От молний смерти. Вот один решился
И побежал чрез мост и, словно оступившись,
Вдруг замертво упал. Мы скрылись в переулке.
К нам подошел полковник (он шагал
Так широко и быстро, что за ним
Угнаться можно было лишь бегом).
Взглянув на нас насмешливо, он громко
Сказал: «За мной, ребята! Мы пройдем».

И он пересек переулок под гулкие взрывы.
Перепрыгивая чрез воронку, сказал, обернувшись:
«Не держитесь кучкой. Рассыпьтесь. Идите за мной».
Меррит, надвинув стальной шлем, первый
Ступил на огненный мост, за ним остальные.
Убитый лежал, прислопившись спиной к парапету,
И туно глядел на темную воду. Баржа,
Затонувшая шумную пену снимала шумовкой.
Осколки стали, острее стекла, пролетали,
Почти касаясь лица, и казалось, глаза
Из орбит вытекали в огне ослепительных вспышек.
И трескались губы, и кожа зудела от жара.
Под ложечкой сжалась какая-то острая тяжесть,
Как будто я пояс стянул слишком туго, но нет ---
Давило что-то другое. Я пил накануне,
Но жгло не похмелье.

И мы перешли через мост.

Столкнулся я с сержантом, старым другом
И земляком. Он был в прожженной куртке
И пахнул гарью.

— Эй, куда спешишь?

--- Мерзавцы снайперы, засев в домах,
Подстреливают наших.

Ну, а ты?

— А я выкуриваю их из нор.
Иду из дома в дом,
И поджигаю, и стою, и жду,
Иль он меня, иль я его прикончу.

Он выбежит на воздух, очумев,
А я убудка угощаю пулей.
И он осклабился: «Ну, я спешу, ребята».
А из окон французские солдаты,
Взвывая кружевные занавески,
Подстреливают снайперов немецких.
Французы носят синие береты
С помпонами и не хотят надеть
Стальные шлемы. Пусть германцы видят
И знают — кто они. Своих значков
В бою французы ни за что не снимут
И не сдадутся в плен, где ждет расстрел.

— Ты видел, Жак? — Конечно, видел.
Хотел бы я увидеть объявление
О чем-нибудь французском,
Знакомом с детства, как родное имя,
И странном в эту грозовую ночь,
Как в списке награжденных
Своя фамилия. Хочу, как в детстве,
Коснуться материнского лица.
Мне кажется, его я осязаю
Склоненным надо мной во тьме.

А ты?

— Я думал, приставая: эта чайка —
Французская, и я парил над морем
И вольно, радостно кричал без слов
Под музыку прибоа...

— Ну, а я
Монету в десять франков из Дюнкерка
С собой увез и бережно хранил.
Я думал, что потрачу деньги в Дьепе,
Но, кажется, нет времени на это.
Но все ж я их потрачу, непременно.

Так мы ступили на берег французский и в клетку.
В берлогу к фашистскому зверю бесстрашно вошли.
В кровавую пасть ему сунув железную палку.

Радиостанция пылает в ветре,
И огненные волны в пепел шлет,
А нам часы указывают время
Отхода с берега. Отлив бурунный
Отхлынул яростно с разбитых скал,
Оставивши следы онустошенья.

Мы знаем: скоро мы вернемся.

Карл Сэндберг

*

ТЕНЬ ЧЕЛОВЕКА СО СЛОМАНЫМИ ПАЛЬЦАМИ

От хвойных норвежских лесов, через всю Европу,
Чрез Средиземное море, до пальм в оазисах Ливии
Он говорит знаками сломанных пальцев.
От порвежца, ускользнувшего из сетей гестапо,
Пошла о нем молва по всей Норвегии.
Норвежский народ чтит память безымянного героя,
Отказавшегося в гестапо называть имена, имена, имена.
«Назови нам их. Кто они? Их имена! Отвечай!»
Он молча смотрел им в глаза, и часы проходили,
но он не назвал никого.
Они сказали, что сломят его, как сломали других.
Напялить ему на голову резиновый шланг,
Избить его до полусмерти без кровоподтеков,
Поставить его перед взводом в ожидании расстрела.
И гестаповцы, пораскинув мозгами, придумали пытку.
«Назови нам их. Кто они? Отвечай, а не то...»
Но он не назвал никого, никого не выдал.
И они сломали ему мизинец на левой руке.
И еще три пальца и, наконец, сломали большой,
Но он молчал, и ему дали сутки для размышленья,
А затем снова вопрос и снова в ответ молчанье.
И они стали ломать ему мизинец правой руки,
Отгибая назад, пока не хрустнул сустав.
Крутя, ломали все пальцы, один за другим.
О чем он думал среди этой пытки — о том ли,
Что ему не играть на гармонике или на скрипке?
Не гладить волос золотых жены и ребенка?
Что теперь не нужны ему карандаши, инструменты?
Что теперь не надеть ему ни перчаток, ни рукавиц?
Да, гестаповцы умеют калечить людей,
Теперь он не сможет держать ни ножа, ни вилки,
Не сможет к губам поднести стакан и напиться,
Не сможет, взяв перо, подписать свое имя.
Но это еще не все, не кончена пытка.
Гестапо хочет, чтоб все в Норвегии знали
И шептались об ужасах фашистских застенков,
О расправах гестаповцев над всеми теми,
Кто молчит и не выдаст никого на допросах.

«Ты можешь спасти свою жизнь — сотрудничай с нами».
Но он молчит — язык его на замке,
Не сломят фашисты упорную волю норвежца,
Несокрушимое мужество и веру в свободу.
Он лучше умрет, но предателем он не станет.
И тогда гестаповцы в бешеной злобе,
Вывихнув, сломали ему левую руку,
Сначала в локте, потом в плечевом суставе,
И, вывихнув, также дважды сломали
Правую руку его в локте и у плеча.
И тогда он забыл все имена на свете, даже свое.
Но не умрет в народе норвежском память
О безымянном мученике и герое,
Вечно будет жить его воля и вера в свободу,
Тень его говорит знаками сломанных пальцев.
Он говорит, что лучше тысячу раз умереть
В пытках, чем сказать налачам — да, да, да
Вместо — нет, нет, нет, что смерть не страшна,
Что смерть только шаг спокойный в тихую полночь.

Г. У. Дана

*

МОСКВА

Москва, все наши помыслы с тобой!
Ты — сердце красное страны огромной.
Его биенье, как могучий пульс,
У нас в крови по жилам отдается.
И нам светлей и радостней живется.

Москва, твой Кремль манил во все века.
В морозном небе звоном колокольным.
На ярких маковках, на куполах
Пылал закат. И в выси темносиней
Ты подымалась сказочной твердыней.

Москва, не раз, сияньем привлечен,
Таранил недруг древние ворота.
С могучей армией Наполеон
От стен твоих в снегах бежал недаром,
Напуган, опален твоим пожаром.

Москва, твои разряды грозовые
По всей земле разносятся призывом
И гулким эхом потрясают мир,
И слушают взволнованно народы
Несущийся к ним благовест свободы.

Москва, вновь враг нагрянул на тебя
С ордою танков, тучей самолетов.
Встал на твою защиту весь народ.
Разбитый враг бежал, в бессильной злобе
Бросая пушки, танки по сугробам.

Москва, по Красной площади твоей
Пред мавзолеем Ленина проходят
На фронт победоносные полки.
Кремлевские куранты в блеске алом
Встречают их «Интернационалом».

Москва, теперь ты ночью спишь спокойно,
Покрытая пушистым мягким снегом,
И в зимнем ветре реет красный флаг.
К созвездьям неба, как всегда, бесстрашно
Рубины звезд твоих возносят башни.

Стивен Винсент Бенет

*

РОССИИ

За Россию, за русский народ,
За все, что свершил он в этот год,
За русские подвиги, русскую доблесть!

Это было в июне, в воскресное ясное утро,
Такие дни выбирают обычно фашисты
Для погромов, убийств, для предательских нападений.
(Как другое такое же утро шесть месяцев позже,
Как другое такое же утро...) И вдруг
Удар вероломный, и с неба посыпались бомбы
На мирный народ, обрушились смерчи стальные
На избы и хаты, на хлебородные степи,
На пущи медвежьи, на реки с названием древним.
На города, на узлы железных дорог,
На детей, игравших в саду, на могучих женщин.
На девушек, что стройнее берез белоствольных,
На стариков, гревших кости свои на солнце.
Такой же смерч мог взмести и наши равнины.
Прерии наши безбрежные, словно небо,
Такой же смерч взметал и другие страны,
И сама земля содрогнулась от взрывов стали.
И вот со своих равнин поднялся русский народ.

Беспримерны подвиги русских.
Враг занимал их города, новостройки.
Взрывая, они уходили, но не сдавались.
Танки врага подползали к воротам Москвы,
Но они не сдавались, сражаясь упорно.
От вражеских танков они уходили в леса и сражались,
Жгли на корню урожай, чтоб врагам не достался,
Вместе с ними воюет сама их земля.

Беспримерные подвиги совершают
В зной и в мороз, в дожди и в метели
Мужчины и женщины России.
Они встали все за родную землю
И отбросили назад машину нашествия.

Я не ищу одобренья или слез сочувствия,
Я не хочу, как ораторы, рассыпать
Бумажные цветы красноречия
На опаленную землю, где умирают бойцы.
Это только факты, железные факты
О беспримерной доблести русских.

За Россию, за непобедимый народ.
За народную непобедимую армию,
За красноармейцев и партизан,
За наших собратьев по оружию,
За великий народ, что остановил
Огромную машину, пожиравшую нации,
Остановил и порвал ее передачу,
И отбросил назад, и борется с ней
Пламенем, сталью и кровью,
Великан непоколебимого мужества.

Через моря, через растерзанные страны
Мы шлем салют и говорим: «Мы с вами!»
А в Хартфорде, Гаре, Питтсбурге, Детройте
Заводы прокатывают сталь,
И суда соскальзывают со стапеля,
Из цехов вылетают аэропланы.
Это трудный шаг объединенных наций,
Борьба будет долгой и тяжелой,
Но принесет урожай, как наши равнины.
И победа, как рассвет, неизбежна.

Альфред Креймборг

*

РОССИИ

Что можно сказать о России,
О сердце всего мира?
Что можно сказать о России, о верной:
Верной своей земле и народу,
Верной народу повсюду,
Верной всеобщему просвещенью?
Что можно сказать о русских крестьянах,
О русских рабочих, красноармейцах,
О защитниках свободы родины,
О защитниках свободы всех стран?
Что можно сказать о русской душе,
Нераздельно общественной и личной,
О душе человеческой неделимой?
Что можно сказать о России,
Если слово не стало песней,
Объемлющей целый мир;
Этот мир Россия.
Вечно живут ее дух и тело,
Обновляясь в ранах и смерти,
Передавая от павших живым
По завещанью новую жизнь.

Нет ничего в России,
Нет ничего русского
Чуждого нам
И нам непонятного.
Ведь все русское
Давно стало нашим,
Всечеловеческим, мировым.
Их борьба — наша,
Их Москва — наша,
Как их равнины и реки,
Твердыни гор,
Снега под солнцем,
Их надежды и неудачи,
Их доблесть и победы —
Наши все нераздельно.
И конечная их победа —
Наша победа.

Лэнгстон Хьюз

*

СТАЛИНГРАД

Сталинград —
Счастливей город,
Город, росший гордо
И привольно,
Где грезы лучших из людей
Осуществляться стали наяву.
Обычный город,
Где все работали, все были сыты,
Все дети посещали школу,
Без нищих,
Без заброшенных больных,
Без проституток
(Так просто ведь найти работу),
Где все взаимно уважали
Чужую жизнь,
Где трудовое братство
Открыло путь к всеобщему богатству.

И вдруг нахлынули с запада подлые орды,
Варвары с танками, эсэсовцы, штурмовики,
Автоматы с оружием, клейменные кличкой «наци»!
Налетчики! Стервятники!
Они извергали пламя,
Пикируя
Над мирными домами.
Но Сталинград не погиб,
Не пал в тяжелой борьбе.
Сталинград победил!

Из щепня вздетые руки казненных,
Вывающие из развалин стоны
Говорят о том, что надет
Ложь и обман, насилье и гнет —
На пище такой не проживет ни один народ.
Никакими эрзацами стали
В людях нельзя убить
Мечту о том, чтобы люди стали
По-человечески жить.

От Волги вдалеке
И на любой другой реке
Из пепла, и золы, и дыма
Она взлетает, невредима.
Пусть глубоко в людских сердцах
Сейчас ее запрятал страх,
Но завтра вспыхнет вновь она неугасимо!
И Гитлер, зная это, хочет
Ее убить, и истребить,
И угасить во мраке ночи.
Но Сталинград воскреснет снова.
К нему с надеждой тянутся все те,
Кто все еще блуждает в темноте,
Не зная, чем себе помочь,
И оцепью бредут сквозь ночь
И как пароль друг другу говорят
Одно лишь слово:
Сталинград.

Вставай, отряхая с развалин прах,
Красуйся, гордый и величавый!
Вставай, бессмертный город, в веках
Увенчан победой и славой!

Жан-Ришар Блок

*

ОКТАБРЬ 1941

Встают, встают октябрьские даты,
Дни гнева, дни тревог, дни торжества.
Натянут каждый нерв, и зубы сжаты,
Как в девятнадцатом стальном году.

Кинжалом врезан в горную породу,
Поставил все на карту тот Октябрь.
Он дал не только право быть народу,
Но право никогда не умереть.

Сплошная тьма над городом бессонным.
Так входит в сорок первый год Октябрь
Как будто мир рождается сначала
И все победы надо вновь добыть.

Из мужества миллионов, из напора
Несметных воль куется этот миг,
Чтобы когда-нибудь в иную пору
Стать равным среди старших Октябрей.

Удар направлен в сердце огневое.
Но сердце крепче, нежели удар.
Пусть враги под самою Москвою,
Но там, на Красной площади, глумясь,

Не примет Гитлер гнусного парада...
И через много лет, когда-нибудь
Октябрь Двадцать Четвертый будет назван
Славнейшим и прекраснейшим из всех.

Так будет. Это скажут наши внуки.
Для нас же праздник — пламя и зола,
Гнев сыновей, и младших братьев муки,
И городских бомбоубежищ мгла.

И все-таки во глубине сознания
Упорная и чистая живет
Сама себя кормящая надежда
На этот праздник, в этот грозный год.

Враг в Новгороде, в Киеве и в Пскове.
В Париже враг. И под Москвой бой.
Он одурел от нашей жаркой крови.
Он топчет обе родины мои.

И все-таки я верю в два народа,
В народ Парижа и в народ Москвы,
Всей ясностью, всем точным знаньем правды,
Возникшими в тревоге этих дней.

Привет тебе, Октябрь Двадцать Четвертый,
В час жесточайший, в трудный час земли.
Ты — родина, которой угрожают,
Ты — родина, которую спасли.

* * *

ПАРИЖ ПАРТИЗАНИТ

О мой Париж, в огне, в крови!
Твой голос жив, твой разум ясен,
Сыны не сломлены твои,
И гнев мужающий прекрасен.

Как ты прекрасен, мой Париж!
В холодном мраке этих улиц
Молчащим толпам, что согнулись,
Ты о презренье говоришь.

Ты слышишь — там в ночной глуши
Внезапный шорох, окрик тени,
Зов человеческой души
Под черным небом угнетенья.

Ты слышишь смутный темный гул
Камней, сигнала только ждущих,
Людей, плечом к плечу встающих,
В которых силу ты вдохнул.

Ты слышишь грохот поездов,
Летащих бешено к востоку,
На рынок каторги жестокой
Среднегерманских городов.

Ты слышишь, как грузовики
Везут на смерть приговоренных.
Во рвах, их кровью обгаренных,
Ты слышишь голос их тоски.

Святая кровь сынов твоих!
Они в грядущее смотрели,
И умереть они сумели,
«Свобода» — крикнув, для живых!

О мой Париж, в огне, в крови!
Твой голос жив, твой разум ясен,
Сыны не сломлены твои,
И гнев мужающий прекрасен.

Ты атом, двигавший вселенной.
Сегодня ты в цепях, Париж,
Со всей, со всей красой нетленной
Соборов, фабрик, труб и крыш.

Но в каждом сердце, в камне каждом
Клокочет, бьет ключом огонь.
И руки многих тысяч граждан
К оружию рвутся, — только тронь!

Для новой битвы закаленный,
Ты быстр и скользок, как клинок.
В норуке десятиmillionной
Сегодня ты не одинок.

Нет, это не Париж предместий,
Не баррикадный сорванец.
Готов он к битве, к лютой смерти,
Припас и бомбу и свинец.

Он тут же рядом партизанит
С людьми деревни заодно.
Он благородным делом занят,
Как ни душище, — все равно.

О мой Париж, в огне, в крови!
Твой голос жив, твой разум ясен,
Сыны не сломлены твои,
И гнев мужающий прекрасен.

Арагон

*

СИРЕНЬ И РОЗЫ

О, время праздника и время превращений,
Май неразгаданный, июня кровь и прах.
Мне не забыть вовек о розах и сирени,
О тех, кого весна несла в своих руках.

Самообмана дни — они ни с чем не схожи,
Мне не забыть вовек толпу, снопы лучей,
Жужжание машин, и воздух в жаркой дрожи,
И Бельгии дары, и взор не знаю чей,

И торжество побед — хоть не было сражений,
Кармин раскрытых губ — хоть крови вкус и прост,
И тех, кто на смерть шел в кипении сирени,
На башне танковой поднявшись во весь рост

О, Франции сады — прообраз прошлой славы!
Мне не забыть вовек — куда б ни довелось —
Тревогу вечера, молчанье заставы,
Разбег крутых дорог и алый шелест роз.

Он все опровергал — всех площадей безлюдье,
На крыльях ужаса стремившихся солдат,
Предсмертный хрип машин, иронию орудий
И востер паники, метущий вдоль оград.

Но я не знаю сам, зачем виденье это
Приводит каждый раз к пределу одному:
Привал. Наш командир. Сплетенье тонких веток
И на опушке дом глядит в лесную тьму.

Там отдыхает враг и затаились тени,
Узнали мы вчера — без боя сдан Париж,
Мне не забыть вовек о розах и сирени,
О всем утраченном, чего не возвратишь.

О, Фландрии сирень — предсмертная истома,
Последний взлет надежд, улыбка и печаль.
И розы Франции над нами в дни разгрома,
Как отсвет зарева, окрасившего даль.

СВОБОДНАЯ ЗОНА

Забвение — fading¹ наших скорбей.
И сердце, измучась, бьется слабей,
И пламя пеплом тронет.
Я пил это лето, как пьют бальзам.
Я этот август отдал мечтам
В розовом замке в Дордони.

Чей голос врывался в песню садов?
В шорохе ветра — упрек без слов
Среди безмятежных лужаек.
О, не время еще! Не буди в этот зной!
Обрывком песни, нотой одной
Отчаянье разоружает.

И снова, и снова слышались мне
Во ржи, в ее золотой глубине,
Оружия смутные звоны.
Куда нас нити печали вели?
Ни маки, ни лилии не сберегли
Запах слез утаенных.

Как позабыл, как утратить я мог
Страшную тайну своих тревог!
Вот и сумрак умчался в море.
Я вспоминал, вспоминал, как пароль,
Эту вне памяти жившую боль,
И настали сентябрьские зори.

Любимая, я на тебя глядел,
Когда за окном кто-то тихо запел,
И в старом французском преданьи
Мой недуг узнал себя до конца,
И оно развело, как рукою иловца,
Эту мертвую гладь молчания.

¹ Fading — затухание звука в радио (англ.).

РУДНИКИ ПРЕИСПОДНЕЙ

Загадка тем, кто должен умереть. Египет,
Прострился во прах—не слышит жалоб фараон,
Ужасное лицо войны. Со всех сторон,
Как пирамиды шлак, всю память он засыпет.

А в Монтиньи-Гоэль или в Курьер-ле-Мор
От Нуаэль-Годо вплоть до Генен-Льетара
Ползет рудничный газ, слабест звук удара
По сердцу вдов. Обвал породы, общий мор.

Молчит аккордеон — шахтеры все сыграли.
Пей кофе — водки нет, набей хоть гневом рот,
У гнева дикий вкус обугленных пород,
Огромные глаза твоей голодной крали.

Прощай! — кричат они бездомным землякам.
Прощай! — кричат они, и где-то в сердце ночи—
Прощай, прощай — платком им машет огонечек,
Продулся ввух и впрах железный великан.

Здесь выросли они. Жилища опустели.
Ушла с мешком нужда, работа не слышна,
Сна не баюкает жилая тишина.
Нельзя любить жену. Не постланы постели.

Они уйдут, их гонят прочь, они уйдут.
Детишкам не велят плескаться у фонтана,
Меж тем, в леса антенн вплетаясь неустанно,
Чужие наглецы поют, и лгут, и лгут.

В харчевне танцев нет, в харчевне ничего нет.
Навеки в кожу в'едся тусклый антрацит.
Привязанный ко лбу фонарь не заблестит.
Они уйдут, они уйдут, куда их гонят.

С проклятьем беженцы последний дом минуют.
Кто заплутался там среди упавших звезд?
Вся жизнь разорена. Ракеты белый хвост
В ночи вытягивает песенку немую.

РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

Что ж, презреть все, что я звал своим?
Мы не дома! ни на смертном ложе,
Ни под нашим небом голубым.
Родина, как ты с собой несхожа!

Не проговорись в тревожном сне,
Песни даже шепотом не выдай.
О, не верь ни этой тишине,
Ни громам, ни лестн, ни обидам.

Сильные они. Но много пас.
Мы друг друга слышим каждый час.
Тщетно стену мрака возводить —
Узник может песенку сложить.

Дух Блонделя¹ мы в себе несем,
Хоть по-разному себя зовем.
И ответит Вольность шумом крыл
Трубачу, что Львиным Сердцем был.

КОВЕР ВЕЛИКОГО УЖАСА

Младенческая даль, но ужас в пей безмерный
Стада крылатых рыб, и скатов, и сирен.
Что чертит белым швом на голубой заре
Та птица-гидра, зверь, подобный гидре Мерны?
Но пёнителъ земли пронзает небеса,
Пронзительный летун, кремень-летун-комета.
И мечет прямо в дом букеты первоцветов
Запальник-акробат-гигантская оса.
Что стая пламенных фламинго нам пророчит?
О, шабаш старины, фламандский пляс грéмит!
Несется на метле подбитый «Мессершмитт».
Ночь среди бела дня, Вальпургневы ночи.

¹ Блондель — французский трубадур XII века, состоявший при короле Англии Ричарде Львиное Сердце и прославившийся своей верностью. Узнав, что Ричард заключен в тюрьму австрийским герцогом Леопольдом, он разыскал, после долгих странствий, пленного короля и спел одну из песен, которую они когда-то вместе сложили. Ричард по этой песне узнал своего трубадура.

Век — Апокалипсис. Пространство — скорбный путь,
Где в ужасе ползут больные и калеки.
Ты хищников, поля и город не забудь!
Церковные часы, умолкшие навеки;
Повозки нестрые, подушки, скарб, тюфяк,
Шаль, медвежонок, труп, забытый, как банмак,
(Он рану в животе зажал, смыкая веки).
Крик, падаль, вонь, помет, бегущие стада,
Обломки статуй. «А на почлег — куда?»
И дети на плечах шагающих конмаров.
Куда-то все идут, и золото амбаров —
В оврагах, вдоль дорог, где топчется Беда.
И умирающий, что много раз подряд
Хрипит: «Мне жарко! Пить! Я так вспотел! Отвара!»
И клетка с чижигом, спасенным от пожара,
Горбунья, что несет свой шелковый наряд,
Машина швейная. Старик. — «Ох, тяжко, брат!»
«Конец! Ступай одна! Мария! Умираю!»
А предель вечеров нисходит, — близость рая.
В ней Брейгель Бархатный и рядом Брейгель — Ад¹.

¹ Ии Брейгель, по прозвищу Бархатный, из семьи нидерландских художников XVI — XVII века. Пигер Брейгель-Младший, по прозвищу Адский, брат предыдущего.

Сесар М. Арконада

*

СТАЛИНГРАД В ДНИ ОСАДЫ

Мы помним, Сталинград, кому в веках обязан
Тем славным именем, что гордо носишь ты,
Кто был защитник твой, с каким ты прошлым связан,
Навек ты сохранишь величия черты.

Быть верным прошлому — души высокой свойство!
За то, что на тебе, лучи его горят,
За доблесть дел твоих, за славу, за героизм
Хвала тебе и честь, бессмертный Сталинград.

Напрасно злобный враг, безумием гонимый,
Стремился на восток: на роковом пути
Ты стал, как верный страж, как страж непобедимый,
И крикнул ты врагу: «Тебе здесь не пройти!»

Стальным стал каждый дом, стальным стал каждый воин.
И в сталь ты заковал венцы своих оград.
О, город, своего ты имени достоин.
За стойкость дивную --- хвала, о Сталинград!

Пусть лапой хищною изранил враг кровавый,
Беснуясь вокруг тебя, живую плоть твою,
О верь, чем больше ран, тем ярче пламя славы,
Тем выше красота, рожденная в бою.

Израненный боец, не опустил ты руки.
Нам пепел твой святей, чем золото палат.
За кровь твоих сынов, за боль твою, за муки,
За силу подвига хвала, о Сталинград!

Кругом белеет стена, как саван погребальный,
Врагом истоптана, огнем опалена.
Здесь пышной зелени не встретит взгляд печальный.
Но меди громких труб торжественней она.

И вихрь твоих степей гремит, как гимн военный,
В нем пламя гневных бурь, в нем гроз твоих раскат,

В нем новый ритм земли и новый день вселенной.
За вихрь твоих степей хвала, о Сталинград!

Хвала тебе за то, что встал ты перед нами
В величьи подвига, отбросив вражью рать,
Что крикнул племенам, окованным цепями:
«Учитесь у меня, как жить и побеждать!»

За то, что песни нет торжественней и шире —
В ней слово каждое и звук нам говорят,—
За то, что равных нет тебе в огромном мире!
Бессмертью твоему хвала, о Сталинград!

Антонио Апарисио

*

ПЕРВОМУ ПАВШЕМУ В БОЮ СОВЕТСКОМУ ВОИНУ

О, кто бы ни был ты, овеян вечной славой,
Товарищ молодой, за нас проливший кровь,
Знай, в этот грозный час свой орден величавый
Кладет тебе на грудь народная любовь.

Ты победил в бою; пусть влагою кровавой
Обагрена полей растоптанная нить,
Но в небе светлый день грядущею расправой
Грозит полнотной тьме, на мир сошедшей вновь.

Как смелый леопард, ты кинулся в сраженье,
Алмазом ты снял в неистовом бою.
Чтоб передать вскам твое изображение,
Певучую строку хвалой я напою.

О воин молодой! За наше искупление,
За счастье всей земли ты отдал жизнь свою!

Рафаэль Альберти

*

ИЗ ДНЕВНИКА ИСПАНСКОГО БЕЖЕНЦА

Поэма на двух языках

Я проснулся... Я жив или нет?
Может, умер давно? Я в Париже, рассвет...
Громкий стук. Я спускаюсь по лестнице вниз.
— Qui est là?—C'est la police!¹
Ah, mais oui, ah, mais пол².
Впрочем, мне все равно.
Я в могилу опущен давно.

Я плыву на проклятой ладье,
Я прикован к тюремной стене,
Я в бездонной кружусь пустоте.
Я во Франции Даладье,
Я во Франции Бонне,
Я во Франции la Liberté³.

А вдали, а вдали слышу тягостный стон.
День и ночь не бросал я ружья,
Там мне славу доверил родной батальон,
Там мне дом заменяла траншея моя.

Пятый полк — он в боях был всегда знаменит.
Сколько встреч боевых, сколько пламенных дней,
И как часто среди кровель твоих, о Мадрид,
Я вздыхал о Молите моей.

А теперь — злобный ветер предательств, измен.
Мне глаза засыпает песок.
Мне глаза засыпает песок.
Это ты, Аржелес, это Сен-Сиррнен.
Как ужасен ваш день и как я одинок!

О смуглянке моей я мечтаю везде,
Неразлучен с ней мыслями я,
Я шепчу и домам, и ветрам, и воде;
Где ты, Мола, Молита моя?

¹ Кто здесь? — Полиция! (ф р а н ц.).

² О, да, о, нет (ф р а н ц.).

³ Свобода (ф р а н ц.).

Я плыву на проклятой ладье,
Я прикован к тюремной стене,
Я в бездонной кружусь пустоте,
Это Франция la Liberté,
Это Франция Бонне,
Это Франция Даладье.
Поздно ночью к себе возвращаюсь в отель,
В свой фобур Шарантон... чуть улежся в постель,
Слышу стук, я спускаюсь по лестнице вниз.
— Qu'est là? C'est la police!

Роса Вилас

*

ПЛАЧ О РУБЕНЕ РУЙС ИБАРРУРИ

Ночь нависла над Европой.
Слез кровавые потоки
Зверь повсюду оставляет.
Он, прыжок готовя повыйт,
Над Советскою землею
Лапу хищную вздымает.

И на битву с этим зверем
В сонме витязей прекрасных
Наш Рубен, наш мальчик вышел,
Озарен улыбкой ясной.

С этим зверем уж и раньше
Бился он неустрашимо,
Честь отчизны защищая,
Честь Испании любимой.

Как в те дни мы им гордились!
Был он смелым, был он ловким.
Как враги понасть страшились
Под огонь его выстрелки!

А теперь, как сок граната,
Расплескалась кровь Рубена
По другой земле прекрасной,
По другой земле бесценной.

Над землею бушуют грозы,
Сталинград оделся в пламень,
С этим городом-героем
Кто другой сравнится славой?
И туда идет Рубен наш.
Разве важно, что на теле
Не зажили злые раны,
И какие в мире раны
Удержат могли б Рубена?

Смерть холодная скосила
Нашу юную надежду.
Ах, как больно сердцу видеть,
Что подкошен свежий колос,
Обещавший нам позавтра
Золотые зерна хлеба!

Ах, Рубен Рубе Ибаррури,
Сын великой Пасьянарри,
Ты завет ее исполнил—
Умер стоя, чтоб народы
Не влачили на коленях
Жизнь позорную. Так спи же
В той земле, что так любил ты,
В той земле, что так любовно
Охраняет сон твой гордый!

Радуле Стийенский

*

КОЛО¹ МОЛОДЕЖИ

Пой вольную песню на лоне земном,
Не бойся ни пули, ни яда.
С победой по древней Европе пройдем,
Победа или смерть на пути боевом, —
Свобода — вот наша награда.

Под знаменем славы, без трепета, в бой!
А если товарищ твой милый
Расстанется с жизнью своей молодой, —
О дружбе, о доблестной юности пой,
Устрой богатырские силы.

Гастелло не умер, он с нами в бою;
Да будет примером Гастелло
Тому, кто сражается в нашем строю.
Кто верит всем сердцем в победу свою,
В народное общее дело.

Да будет развеян коричневый дым,
Да здравствует мужество наше!
Да здравствует молодость! Мы победим,
Под небом свободы мы павших почтим,
Подыдем за здравные чаши!

ЧЕРНОГОРИЯ — ВЕЧНАЯ СЛАВА!

Черногория — вечная слава!
Ты, как старый дракон, многоглава!
Твои скалы в граните и мраморе,
Словно стая орлов, величаво
Смотрят в синюю даль, смотрят на море,
Где прибой — кружевная оправа —
Окаймляет хребты, что исполнены

¹ Коло хор.

Гордой скорбью, горячей, как лава...
Черногория — вечная слава!
Вижу отблеск княжальный и молниенный,
Сивых туч соколиные взмахи,
И деревья, припавшие в страхе
К бурым глыбам, увенчанным травами.
Вижу ветром взметенные прахи
И костры меж корнями корявыми...

Черногория — вечная сила!
Ты недаром главу возносила,
Ты усвоила хватку орлиную, —
Ты владеешь, как гордая вила,
Каждым камнем и каждой долиною,
Где прославленных предков могила.
Черногория — вечная сила!
За столетия не изменилась ты!
Ты готова к боям и победам,
Ты не ждешь унижительной милости.
Подлый страх тебе вовсе неведом,
Ты идешь за победою следом,
Подражая воинственным дедам.
Воздаешь справедливую мерую
За вражду и за дружбу людскую...

Как я страстно в судьбу твою верую!
Как я жажду тебя и тоскую!
...Вижу русла, что пеной наполнены,
Сивых туч соколиные взмахи,
Вижу отблеск княжальный и молниенный
И деревья, припавшие в страхе
К бурым скалам, увенчанным травами,
Буйным ветром взметенные прахи
И костры меж корнями корявыми!
Слышу зов пастухов на рассвете,
Звон овечьих бубенчиков, полный
Странной власти, поющие волны,
И наездников звучные плети...

Черногория — вечная слава!
Ты, как старый дракон, многоглава!
И за новую жизнь твою ратую!
Вороти свое вольное право,
Разгони эту свору проклятую,
Кровожадных фашистов-контрашей,
Ятаганом кроши их Неманиным,

Изгони их из планины нашей!
Видишь свет над холмом отуманенным,
Над колючей, скалистой грядой?
Это солнечный свет молодой,
Свет с востока, чреватый победой.
Ты лучей его жгучих отведай,
Пей вино мирового содружества,
Чтоб оно тебя вновь воскресило,
Черногория — вечная сила,
Черногория — вечное мужество!

Ондра Лысогорский

*

ПЕСНЬ О МАТЕРИ

Отрывки из поэмы

В беззвездном мраке, в угольной пыли,
Сквозь рев машины, сквозь чад войны кровавой
Я слышу стон разграбленной земли,
Надрывный стон измученной Остравы.
Ты вновь раба! Где мера мук твоих?
Я слезы лью, твою судьбу читая.
Моя земля, кормилица чужих,
Сама лежит голодная, пагая.
Средневековый буйствовал палач,
Вельможные тебя терзали каты,
И горек был земли ослепшей плач.
Но грянет он, великий день расплаты!
О, стыд и горечь этих тяжких лет!
Где Ондраш твой? Настало время боя!
Иль ты смирилась, родина? О нет!
Твой Ондраш спит. Кто призовет героя?

Я разбужу героя — близок срок!
Пусть изгнан я на муку без исхода.
Пусть растоптал разбойничий сапог
Живую землю ляшского народа, —
Но, беженец, я пламень мой прошес.
Пусть вытянул я жребий страстотерпца,
Пусть голод грыз и жег меня мороз, —
Я Ляхню таил в святыне сердца.
Под бурями покинув Ляшский край,
Везде я спал под кровом незнакомым.
Но я повсюду помнил ляшский май,
Мне русский край родным казался домом,
И чайки плач в тумане русских рек
Напоминал мне чаек Остравицы,
И русских тучек мимолетный бег —
Родных остравских тучек вереницы.

О теплый воздух украинских пив,
Струящийся в грудь блаженную истому!
О хлебных злаков золотой разлив, —
Путь шелестящий к веку золотому!

Кивающий подсолнух у плетня,
Под небом ярким праздничные рощи,
И гомон птиц в лазурной дымке дня —
Гимн красоте, и радости, и мощи!
И хаток украинских белизна —
То детства зов, пленительно знакомый,
То для ребенка, в час отрадный сна,
Постель из чистой золотой соломы.
Как на невесту милую жених,
Оконца нежно смотрят на дорогу,
И веет с крыльев мельниц ветряных
Блаженный сон, смиряющий тревогу.

Все было так. Но дрогнула земля,
Разверзлась ночь, и без числа, без меры
На золотые, пышные поля
Нахлынул океан багрово-серый.
Идут немецкой матери сыны.
В пучине смрадной черного потопа,
В неукротимом бешенстве войны
Встает огромным кладбищем Европа.

Что ярость гуннов, что Нимврод и Кир,
Вандалов тьмы, татарских орд лавина,
Чумы индийской смертоносный пир
Пред кровожадной свастикой Берлина!
Германия! Что сделали с тобой!
Ты стала ямой свалочной, притоном!
Насилье, голод, гибель и разбой
Швырнула ты смятым миллионом.
Чудовище! Кто породил тебя!
Как, разрешась отроднем звериным,
Какая мать, страдая и любя,
Проклятый плод назвать посмела «сыном»!
Сын! — средоточье тысячи путей,
Слиянье крови тысяч поколений!
Наследье тысяч пламенных страстей,
Падений, взлетов, чаяний, томлений!..

Славяне, стинет зверь, губивший нас!
О радуга над ужасом пожарниц!
О светлый час, благословенный час!
О слово лучезарное: товарищ!
Иль мы не дети матери одной?
У всех славян отчизна не одна ли?
И не один ли наш язык родной?

И не одну ли кровь мы отдавали?
А летописи нашей старины,
Сказания, овеянные славой?
Чьей кровью их листы обгарены,
Кто загрязнил поток наш величавый?
Кто наш тиран, кто подлый наш палач?
Чей злобный кнут терзает нас жестоко?
Не надо слез! Уймите горький плач:
Уже идет великий брат с востока.

М. Стасевич

*

С ЧЕМ ПРИДУ Я К ТЕБЕ...

С чем приду я к тебе, чем смогу я
Пред тобой доказать свое право?
Как мы бьемся за польское дело
В дни борьбы твоей тяжкой, кровавой?

Час придет, и отчет будет спрошен
В каждом дне, в каждой ночи бессонной,
В каждом миге, в бездонную вечность
Горсткой пепла навек унесенном.

Пусть на части рвалось наше сердце
И с тобой умирало стократно!
Не заменят сердечные муки
Метких выстрелов, подвигов ратных.

Дайте, дайте нам в руки оружие,
Чтоб сражаться, а не для парада,
И да светит нам в блеске пожаров
Героический путь Сталинграда.

Этот путь самый близкий на Польшу,
И блестит он, распутии не зная.
Мы штыком и разгневанным сердцем
Путь проложим к родимому краю.

Адам Вазик

* * *

Я просыпаюсь в ночи и внемлю:
Родимый город,
Шумя меж серых громад листвою,
Встал перед взором.

Там, теплым пеплом укрыты, дремлют
Могилы в скверах;
Там умирает сердце, что было
Милым безмерно.

Нускай другие прошлым покоем
Грезят бесплодно
И застывают, сложив ладони,
Бронзой холодной.

Нускай другие спорят с судьбою
О жребию скромном, —
Мне близок тот, чей выгранен голос
Дней наших громом.

Антон ван Дейнкеркен

*

СЕРДЦЕ БРАБАНТА

Отрывок из поэмы

Жестокый враг грозит вам новым гнетом,
О, гордых Нидерландов города!
Но Фландрия неизблемым оплотом
Для вольности останется всегда.

Враги не знают иль они забыли
Наш стойкий Маастрихт, благородный Гент,
Беликие эпические были,
Достойные сказаний и легенд,
И гордый день, когда с тираном в споре
Стихии поднялись на помощь нам,
И с Лейдена осаду сняло море,
Флот гезов подведя к его стенам.

Не знает враг, что вольному народу
Он не навяжет власть свою ничем,
Что кровию платили за свободу
Брюссель, и Дорнемюнде, и Гарлем,
Что голоду, и лести, и измене
Не удалось разрушить древних стен,
Что не упал Антверпен на колени,
Не уступил бестрепетный Лувен.

И пусть над Фландрией опять сгустились тучи,
К великим теням обращен ваш взор.
Не сокрушили предков дух могучий
Ни колесо, ни плаха и топор.

И паруса, как прежде, в час прилива,
Сквозь дождь и мглу покажутся вдали
На головном фрегате «Молчаливый», —
То гезов боевые корабли!

Пабло Неруда

*

ОДА КО ДНЮ ПОБЕДЫ

Отрывок

О чистая и светлая отчизна,
Сестра и мать народов всей земли!
К тебе вернутся ныне семена,
Тобой везде разбросанные щедро.
Они взошли, ростки покрыли землю,
Как осенью могучий листопад.

Народ-борец! Сегодня слез не падо!
Все из железа стать теперь должно —
Удар, и шаг, и вера, и страданье...
Да, и страданье, что рукой тяжелой
Стремится сердце в нас оледенить.
Все, даже радость станет из железа,
Чтобы помочь тебе в твоей победе,
Сестра и мать!

Тому в лицо мы плюнем,
Кто ныне отречется от тебя.
Презренного возмездие постигнет
В час всех часов, в час этой общей крови.
Пусть трус в свой мрак с позором уползет,
А лавры пусть достанутся герою.
Тебе, корабль из крови и из снега,
Тебе, что защищаешь целый мир.

Я в этот день в смиреннии моем
Шлю свой привет Советскому Союзу.
Кто я? Простой писатель и поэт.
Из бедной я семьи. Всегда с тобою
Я сердцем был, советская отчизна.
Здесь далеко, здесь, в маленькой стране
Больших дождей, где пламенеет имя
Твое в груди горячего народа,
Где из сердец растет оно, вершиной
Касаясь неба родины моей,
Сегодня сердцем я с тобой. Летит
Из дома в дом, из цеха в цех сегодня
Весть о тебе, подобно алой птице.

Благословляю я твоих героев,
И каплю каждую святой их крови,
И бурное биенье их сердец.
Оно, как море грозное, взметнулось,
Чтоб защитить твой гордый, чистый дом.

Благословляю я твой скорбный хлеб, —
Хлеб героизма. О, настанет время,
И Армия, железная твоя
С победной песнью средь равнин, покрытых
Золой и пеплом, по телам убийц
Проложит путь, и пламенную розу,
Огромную, как светлая луна,
Она посадит на святой и дивной
Земле победы, на твоей земле.

Рауль Арреола Кортес

*

ПЕСНЬ О МОСКВЕ

Мы слышим голос твой, столица гордой славы,
Москва, к нам с древних стен могучего Кремля
Несется бой часов — твой голос величавый,
Непобедимая земля!

Да, слышим мы тебя сквозь ураган вселенной,
Пускай бушует ночь, пусть страшен волн напор,
Народы всей земли с надеждой неизменной
К тебе свой обращают взор.

Был грозен час борьбы, к тебе неудержимо
Стремился злобный враг, но, зоркий часовой,
Ты встала перед ним тверда, неумолима,
И враг был сломлен под Москвой.

*

Как он грозил тебе! Он не щадил усилий,
Дыханьем грязным осквернить хотел он
Святые камни Площади твоей.
Тянулся он преступною рукою
К твоим дворцам, к твоим садам зеленым,
Твой светлый труд старался он смутить.
В твоём высоком лучезарном небе
Металась тень его зловещих птиц.
Гимн радости, гимн счастья и побед
Он заглушить хотел свирепым ревом
Своих машин... Безмозглый шут в Берлине
Кровавым оком на тебя глядел.
Он, предвкушая легкую наживу,
Гнал на тебя неистовые орды
Коричневых, рожденных тьмою крыс.
Нет, никогда ты жертвою не станешь
Его свирепых кроважидных банд!
О город вечной лучезарной славы,
Недаром ты и ростом исполни,
Ты — первый город будущего мира!..

Своим огнем затмил ты навсегда
Мятежную звезду Наполеона.
Тогда твои из камня были стены,
Они теперь из стали. Ты, стальная,
Врагу противоборствуешь, Москва.
Напрасно Гитлер силился найти
В тебе измену. Среди сынов твоих
Он не нашел блудливого Петэна
Иль раболовных Квислинга и Фрэнко,
Ты не дала троянскому коню
Твою твердыню сокрушить коварством.

*

Все шире и светлей победная заря,
И смотрят на тебя с надеждой неизменной
И племена земли, и солнце, и моря.
Он близок, близок час священный.
Ты победишь врага, о братская земля.
В боях окрепла ты, презрев его угрозы,
И в час торжественный к подножью Кремля
Мы сложим огненные розы.

Чтоб зацвели они богаче и пышней,
И стал венок любви и вечды и петленен,
Чтоб он венчал, Москва, тот гордый мавзолей,
Где опочил великий Ленин.

Хозе Мария Селедон

СВОБОДНОЙ ФРАНЦИИ

Уж близок день... и светлое чело
Ты вновь поднимешь гордо над землею,
Вновь зазвучит врагам твоим назло
Тот вечный гимн, что создан был тобою.

И для тебя блеснут лучи зари,
И к солнцу ты свои расправишь крылья,
И пред тобой опять надет Бастилья,
И ты возьмешь другое Тюльери.

Уж близок день... пройдут твои невзгоды,
И примут вновь свободные народы
Тебя в свой круг, о галльская земля,

И место ты займешь в подлунном мире,
Живя в веках, гремя в трубе и в лире,
В стихах Гюго и в ярости Золя.

Ши Лунь

*

ЧТО МЫ ТЕРЯЕМ

Что мы теряем
В грозных боях?

Ржавь на щите,
Дни в нищете,
Слабость в костях.

НА ВОЕННОМ ПУТИ

На военном пути
Надо прямо идти,
Оглядываться —
Нельзя.

Только вперед!
Там, сзади,
Гниет
Рабская кожа
Твоя!

БОЛЬШЕ ТЕРПЕНЬЯ!

Пусть враг наш будет гранитной скалой,
А мы — отвесной струей.
Больше терпенья!
Свое мы возьмем,
Упорной силой скалы пробьем,
Пройдем!

Эми Сяо

*

Я ПОМНЮ СТАРЫЙ ДОМ

Я помню старый дом и молодость былую:
Всходили вместе мы на стену городскую,
Сливался с небом голубой поток,
Далекий парус плыл, как золотой листок.

Отец мой говорил неторопливо:
«Так наша жизнь течет — глубокая река.
Взгляни, на берегу цветет большая ива,
Я выходил ее из нежного ростка.
И новая весна придет, еще чудесней,
И длиться будет звук высокой нашей песни».

Я к голосу его всей памятью прильну
И вижу: как живой, стоит отец на склоне.

Как можно допустить, чтоб вражеские кони
Топтали нашу древнюю страну!

Ч ж е н Ч ж е н ь д о

*

ПУЛЕМЕТЧИК

1

Здесь пулеметное гнездо.
Нас трое. Все на месте.
Приказ: врага не пропускать.
Пока мы все на месте.
Но если враг убьет двоих,
Ответить третьему за них.
Он здесь — на этом месте!

2

Здесь пулеметное гнездо.
Нас трое. Все на месте.
Снаряд свистит. Разрыв. Огонь.
Пока мы все на месте.
Кружит над нами самолет.
Мы ждем. Он бомбу шлет.
Нас трое. Все на месте.

3

Здесь пулеметное гнездо.
Нас трое. Все на месте.
Бомбежка кончилась. Врага
Мы ждем на этом месте.
Мы не отступим ни на шаг.
Мы притаились. Близок враг.
Нас трое. Все на месте.

4

Здесь пулеметное гнездо.
Нас трое. Все на месте.
Бу-бу-бу-бу, смерть чертит круг,
Но не на этом месте.
Бу-бу-бу-бу, знакомый звук.
Враги попали в смертный круг.
Нас трое. Мы на месте.

5

Здесь пулеметное гнездо.
 Нас трое. Все на месте.
 Враги за рядом ряд идут
 И падают на месте.
 Мы, словно в крепости стальной,
 Над неприступной крутизной
 Стоим. И все на месте.

6

Здесь пулеметное гнездо.
 Нас трое. Все на месте.
 Врагам сюда дороги нет:
 Они и мы на месте.
 Но что с тобою, старый Ван?
 Лю изнемог от тяжких ран...
 Лишь старый Чжан на месте.

7

Здесь пулеметное гнездо,
 Лишь Чжан один на месте.
 Бу-бу-бу-бу, наш пулемет
 Стоит на прежнем месте.
 И снова гул издадека,
 Пробита левая рука...
 Но правая на месте!

8

Здесь пулеметное гнездо,
 И Чжан один на месте.
 Что? В госпиталь? Зачем? Пустяк!
 Перевяжи на месте.
 Пока в гнезде один патрон,
 Найдет себе работу он.
 Я должен быть на месте.

9

Здесь пулеметное гнездо,
 Лишь Чжан один на месте.
 Он пробыл в госпитале день,
 Теперь опять на месте.
 Нет Лю. Нет Вана. Нет двоих.
 Ответят третьему за них
 Враги. И Чжан на месте.

Жэнь Цзюнь

*

СИГНАЛ ТРЕВОГИ

Пронзительный гудок — в который раз!
Воздушная тревога началась.
Тебя я нынче снова услышал,
И снова кровью пахнешь ты, сигнал!

Ревя, сигнал, вонзайся в высоту.
Хотя несешь ты ужас в каждый дом,
Но ты проводишь красную черту —
Границу между нами и врагом.

Тебя заслышав, тысячи людей
Плечом к плечу становятся тесней.
Их сплачивает общая борьба,
Один порыв, единая судьба.

И. Р. Бехер

*

СЛАВА СТАЛИНГРАДУ

1

Тебе, о Сталинград! В моих стихах
Да прозвучит тебе хвала живая!
Ты встал бессмертным городом в веках,
Для подвигов народы созывая.

И города, готовые к борьбе,
Склоняются в молчаньи пред тобою,
Чтоб гимном славы честь воздать герою, —
Так песню песней мир споеет тебе.

И вот раздался возглас: «Сталинград!»
И голоса, сплетаясь в мощном хоре,
Гудят и поднимаются, как море,
И нет для ликования преград.

Мы, слитые в одном стремлении ниле,
Надежду видя в имени твоём,
От всех, чье знамя — Вольность, мы несем
Признательности дань твоей твердыне.

От городов, алкающих свободы,
Тебе, оплот свободы, Сталинград!
Как смелый вождь, возглавил ты народы
В броне несокрушимых баррикад.

Ты, исполни, восстал для битвы правой,
Ты в должный час возвысил голос свой.
Врагам, пришедшим днкою ордой,
Готовил ты отпор свой величавый.

О Сталинград! Где Волга в беге, вольном
Упругим дуком средь полей легла, —
Свободы камнем встав краеугольным,
Ты ждал, как смертоносная стрела,

И был смертелен твой удар врагу,
Ты победил, и вновь, над ширью синей,
Ты расцветешь на древнем берегу
Несокрушимой Вольности святыней.

Мы, города, столицы, мы, державы,
С тобой сплетаем лучшие мечты.
О Сталинград! Как в нимбе вечной славы,
Стоишь над Волгой в нимбе зарев ты.

Как благодарность выразить? Не знаю!
Как славить победителя в борьбе?
Ты был велик, могуч и негибаем,
И благодарность — эта песнь тебе.

2

Тебя поют дома, дворцы, соборы,
Многоголосый уличный прибой,
Тебя поют зеленых парков хоры,
Знамена над ликующей толпой.

Тебя поют колонны и аркады,
И каждое окошко и порог,
Высоких зданий мощные громады,
И каждый скромный маленький ларек.

Тебя поет и славит мостовая,
Вокзал, мелькнувшей станции приют.
Прожекторы, огнями расцветая,
Тебе хвалу в почное небо шлют.

Тебя встречать приветственной хвалою
Летит герой на бронзовом коне.
Поет осанку городу-герою
Святой из камня, бдящий в тишине.

Восторгом розы рдеют пред тобою,
Благоухает славой каждый сад.
Шумят бульвары пестрою хвалою,
Тебя, тебя мы славим, Сталинград!

Тебя отныне славословит время,
И о тебе поют колокола,
Ты нес один великой битвы бремя,
О Сталинград! Хвала тебе, хвала.

От солнечных Афин до Орлеана,
От площадей Нью-Йорка до Карпат
Симфонией гигантского органа
Весь мир свободный славит Сталинград.

Так было! Бомбы взвыли над землей,
Разверлось небо ураганом стали:
И Гитлер двинул крепости на бой, —
Ломая зданья, танки грохотали.

Во тьму прожектор свой метал пожар
На каждый метр, пожаром не объятый.
И — грудь на грудь! Ударом на удар —
Штыком, прикладом, саблею, гранатой.

Неотвратимой смертью сражена,
За камни степ рука еще держалась,
Но, защищая Сталинград, она
И мертвая за Сталинград сражалась.

Там больше метры метрам не равны,
Где жизнь и смерть сошлись на бранной тризне.
И там ли мерить мерою длины,
Где метр один длиннее целой жизни!

Так было. В буре выступил один,
Он встал несокрушимый, непреклонный,
Он встал один, бесстрашный исподни,
Чтобы сразиться с танковой колонной.

Так было! Битва шла за этажи,
За каждый дюйм, от погреба до крыши.
Враг занимал подходы, рубежи,
Он за стеной, за дверью, в каждой нише.

Но здесь была иная мера сил,
Вон там — овраг, где полк держали трое.
И ни один живым не отступил,
И Сталинград не отдали герои.

Так было там! Связист ответа ждал.
У телефонной трубки умирая.
Он дождался. И точка огневая
Поймать успела во-время сигнал.

Из пламени, из огненной метели
Бесстрашные в другое пламя шли,
И в буре песню новой Волги пели
И гордо знамя Вольности несли.

Порой стихала бұры огневая,
Но грохотала здесь и тишина.
Повсюду воля Сталина живая,
О Сталинград, в тебе воплощена.

И эта воля в каждом камне зрима,
В ней обретают мужество сердца.
Она живет и в черных клубах дыма,
И полон каждый ею до конца.

Бессмертный город, Сталиным избранный,
Ты сталинскою волею велик,
Ты снова здесь родился в буре бранной,
Ты вновь как город Сталина возник.

Тебе, тебе восторг наш благодарный,
Благословен, благословен стократ
Великий город, город легендарный,
Увенчанный бессмертьем Сталинград.

В огне атак, под свист морозной вьюги,
Под грохот бомб, свободы друг и брат,
Ты песню песней пел о лучшем друге,
Вождя питомец, гордый Сталинград.

Так города поют, и пред тобою
Они идут, склоняясь головой.
Будь имя Вечный городу-герою,
Затем, что вечен дивный подвиг твой.

Вы, города, вы, земли, вы, народы,
Вы все, еще не свергнувшие гнет,
Внимайте песне, вестнице свободы,
Чей близок день, чей день уже встает.

Такую песнь еще не пели в мире,
Такого не сплели еще венца.
Гремит хвала все радостней и шире
Героям, устоявшим до конца.

Ты — мировой свободы возрожденье,
Ты палачу свободы дал отпор,
В тебе свободы воля и свершенье,
И славы песнь тебе поет наш хор.

Э. Вайнерт

МОСКВА-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА

Горя на солнце снежной белизною,
Стоишь ты, непреклонна и тверда.
А с запада, лавиною стальнойю,
Неистовая движется орда.

«В Москву» — они на танках написали,
Но до Москвы не докатился сброд.
Они пошли, куда пойти мечтали,
Но не таким мерещился поход.

Народ весь день у рупоров теснится,
Последней сводки слушая слова.
Сияют гордо радостные лица:
Опять врага отбросила Москва.

Январской стужей все вокруг сковало.
Трещи, мороз! Мети сильнее, пурга!
Зима в бою с Москвою рядом встала
И дышит смертью в блиндажи, врага.

Вы, москвичи, ковали здесь победу,
Вы лапу хищника бесстрашно отсекали.
Впервые поражение враг изведаль,
И новый день открылся для земли.

АННОТАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шо н О'Кэй сен — выдающийся ирландский писатель. Особенно известен как драматург. Его пьесы «Тень стрелка» и «Юнона и Павлин» переведены на русский язык, так же как и первая часть автобиографического романа, носящая название «Я стучусь в дверь».

Джо н Кэрл и — молодой английский поэт, напечатанный ряд военных стихов.

Ала н Уа йт — молодой английский поэт-фронтовик. Служит в британской артиллерии.

Джек Л и ндсей — молодой английский поэт, романист и критик. Автор поэмы «На страже Испании» (предназначенной для коллективной декламации и с успехом исполнявшейся театральными коллективами), исторических романов («1649» и «Адам нового мира», вышедшего в русском переводе) и критико-биографических работ. В конце 1942 года Линдсей опубликовал новый роман «Мы вернемся», посвященный Дюнкерку.

Карл Сэ н, берг — крупнейший современный американский поэт. Автор широко известной книги «Народ, да». Переводы ряда стихов Сэндберга напечатаны в антологии «Американские поэты» (Гослитиздат, 1940). После нападения фашистов на СССР Сэндберг пожертвовал весь гонорар, причитающийся ему за русские переводы его произведений, в фонд помощи Красной Армии.

Гарри Уо дсворт Ло нгфелло Дана — американский поэт и театральный критик. Автор ряда работ о советском театре.

Стивел Ви нсент Бенет — известный американский поэт, автор поэмы «Тело Джона Брауна». Стихотворение Бенета «Россия» читалось на банкете «Американо-русской помощи» в Нью-Йорке 18 мая 1942 года и передавалось по радио по всей Америке.

Альфред Кре ймборг — известный американский поэт, сотрудник журнала «Новые массы». Выпустил недавно в Нью-Йорке сборник военных антифашистских баллад.

Лэ нгстон Хьюз — даровитый негритянский поэт.

Большое влияние на творчество Хьюза оказал негритянский фольклор. Стихотворения Хьюза и его рассказы неоднократно переводились на русский язык. В 1942 году вышла новая книга стихов Хьюза «Шекспир в Гарлеме».

Жан-Ришар Блок — известный французский писатель-антифашист, автор ряда романов, из которых «Охота Рено», «...и Ко» переведены на русский язык, так же как книга о войне в Испании 1936—1939 гг. — «Испания! Испания!» В последние годы живет в СССР, где им написаны пьесы «Обыск в Париже» (1911) и «Тулон» (1943).

*** Стихотворение «Париж партизанит» напечатано в подпольном французском издании «Французская литература» (1942), редактор которого Декур пал жертвой гиллеровского террора во Франции.

Луи Арагон — известный французский писатель, автор ряда стихотворных сборников, в частности «Урал, Урал» и романов, из которых роман «Базельские колокола» переведен на русский язык.

Помещаемые стихи входят в сборники «Разбитое сердце» (вышел в Лондоне в 1942 г.) и «Глаза Эльзы» (вышел в Невшателе, Швейцария, в 1942 г.).

Сесар М. Арконада — испанский антифашистский поэт и романист. Автор ряда романов о жизни испанской деревни («Бедняки против богачей», «Раздел земли», «Река Тахо»). В последние годы Арконада живет в СССР, где редактирует испанское издание журнала «Интернациональная литература».

Антонио Апарисио — испанский антифашистский поэт. Участник войны в Испании 1936—1939 гг.; был ранен в бою под Харамой. В настоящее время находится в Латинской Америке.

Рафаэль Альберти — крупнейший антифашистский поэт Испании, автор книги «Моряк на земле», многочисленных сборников стихотворений, а также романов. Сейчас Альберти живет в Аргентине. В 1942 году выпустил в одном из мексиканских издательств книгу «Затерянная роща», в которую вошли воспоминания поэта, а также повести, написанные во время войны в Испании.

Роса Вилас — испанская поэтесса и литературный критик, переводчица Маяковского на испанский язык. Автор ряда стихотворений о войне в Испании 1936—1939 гг.

Радуле Стиейески — известный черногорский поэт. Живет в СССР. В русском переводе издан ряд

стихотворных сборников Стийенского, в том числе: «Партизаны на Дурмиторе», «Моя песня», «Волшебные гусли» и другие.

Ондра Лысогорский — известный антифашистский поэт, уроженец Ляшского края в Чехословакии. Автор сборников стихотворений: «Поющий кулак», «Голос земли», «Через решетку», «Избранные стихотворения». В настоящее время живет в СССР, где написал во время войны поэму «Песнь о матери», «Книгу сонетов» и ряд других стихотворений.

Михаил Стасевич — польский антифашистский писатель. Опубликованное стихотворение взято из журнала «Новые горизонты».

Адам Важицк — известный польский антифашистский поэт. Живет в СССР. Автор ряда стихотворных сборников. Сотрудник выходящего в Москве польского журнала «Новые горизонты» и газеты «Свободная Польша» (орган Союза польских патриотов).

Антон ван Дейккеркен — псевдоним голландского поэта.

Пабло Неруда — крупнейший чилийский поэт. Автор ряда стихотворных сборников; наиболее известным является сборник поэм, посвященных героической борьбе испанского народа.

Рауль Арреола Кортес — молодой мексиканский поэт. Публикуемое стихотворение перепечатывается из газеты «Молодая гвардия», издающейся в Морелии (Мексика).

Хозе Мариа Селедон — поэт, родом из Коста-Рики, стихи его печатались в различных латино-американских изданиях.

Ши Лунь — китайский поэт, член литературной бригады, обслуживающей части китайской армии.

Эми Сюо — известный китайский поэт. Произведения Эми Сюо неоднократно печатались в советских изданиях. Автор книг «Хуанская флейта» и «Китайские рассказы». В настоящее время — декан литературного факультета Академии искусств им. Лу-Синя в Китае.

Чжен Чженьдо — китайский поэт. Автор сборника стихов «Сигнал войны», редактор крупных литературных изданий. Переводчик с европейских языков. Выпустил несколько трудов по вопросам китайской и русской литературы.

Жэнь Цзюнь — китайский поэт, автор популярных патриотических песен.

Иоганнес Бехер — выдающийся немецкий анти-

фашистский поэт и романист. Автор стихотворных сборников: «Искатель счастья», «Сонеты» и др. В 1941 году опубликовал роман «Прощание» (вышел в русском переводе). Во время отечественной войны издал сборник «Убийцам в лицо» (русский перевод опубликован Гослитиздатом). Редактирует немецкий антифашистский журнал «Ди интернационале литератур», «Дейче Блеттер».

Э р и х В а й н е р т — известный немецкий антифашистский поэт. Живет и работает в Советском Союзе, где за период отечественной войны им написан ряд боевых антифашистских произведений.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Шон О'Кэйси. Товарищи, все в бой! Пер. М. Зенкевич	5
Джон Кэрли. Война. Пер. М. Зенкевич	6
Алан Уайт. Франция. Пер. М. Зенкевич	7
Джек Линдсей. Дьеп. Пер. М. Зенкевич	8
Карл Сэндберг. Тень человека со сломанными пальцами. Пер. М. Зенкевич	12
Г. У. Дана. Москва. Пер. М. Зенкевич	14
Стивен Винсент Бенет. России. Пер. М. Зенкевич	15
Альфред Креймборг. России. Пер. М. Зенкевич	17
Лэнгстон Хьюз. Сталинград. Пер. М. Зенкевич	18
Жан-Ришач Блок. Октябрь 1941. Пер. П. Антокольский	20
Париж партизанит. Пер. П. Антокольский	22
Арагон. Сирень и розы. Пер. Е. Книнович	24
Свободная зона. Пер. В. Песне	25
Рудники пренеподней. Пер. П. Антокольский	26
Ричард Львиное Сердце. Пер. В. Песне	27
Ковер великого ужаса. Пер. В. Нарнах	27
Сесар М. Арконада. Сталинград в дни осады. Пер. Ф. Кельми	29
Антонио Апарисио. Первому павшему в бою советскому воину. Пер. Ф. Кельми	31
Рафаэль Альберти. Из дневника испанского беженца. Поэма на двух языках. Пер. Ф. Кельми	32
Роса Вилас. Плач о Рубене Руйс Ибаррури. Пер. Ф. Кельми	34
Радуле Стийенский. Коло молодежи. Пер. А. Тарковский	36
Черногория — вечная слава! Пер. Арк. Штейнберг	36
Ондра Лысогорский. Песнь о матери. Отрывки из поэмы. Пер. В. Левик	39
М. Стасевич. С чем приду я к тебе. Пер. О. Румер	42
Адам Важик. «Я просынаюсь в ночи...»	43
Антон ван Дейнкеркен. Сердце Врabanта. Отрывок из поэмы. Пер. А. Сипонич	44
Набло Неруда. Ода ко дню победы. Отрывок. Пер. Ф. Кельми	45
Рауль Арреола Кортес. Песнь о Москве. Пер. Ф. Кельми	47
Хозе Мария Селедон. Свободной Франции. Пер. Ф. Кельми	49
Ши Лунь. Что мы теряем. Пер. А. Ромм	50
На военном пути. Пер. А. Ромм	50
Больше терпенья! Пер. А. Ромм	50
Эми Сю. Я помню старый дом. Пер. А. Ромм	51
Чжеп Чженьдо. Пулеметчик. Пер. М. Голодный	52
Жэнь Цзюнь. Сигнал тревоги. Пер. А. Ромм	54
Н. Р. Бехер. Слава Сталинграду. Пер. В. Левик	55
Э. Вайнерт. Москва-победительница. Пер. В. Левик	59
Аннотация об авторах	60

2 руб.

